

онъ полагалъ, что уроковъ закона Божія не должно было быть. Законоучитель же въ извѣстные часы и дни недѣли читаетъ всѣмъ ученикамъ гимназіи (разныхъ классовъ) религіозно-нравственныя наставленія или предлагаетъ ихъ вниманію бесѣды, *) руководствуясь, преимущественно св. евангеліемъ. Такимъ образомъ Д. Г. Жаворонковымъ предполагалось слѣдующее: ученики сходятся въ залъ, гдѣ законоучитель, такъ сказать, назидаетъ своихъ юныхъ слушателей въ теченіе извѣстнаго времени, не освѣдомляясь, о томъ, усвоили ли они что-либо изъ тѣхъ или иныхъ отдѣловъ вѣры—и правоученія.

Мы вполне понимаемъ тотъ принципъ, изъ котораго исходилъ Д. Г. Жаворонковъ. Ему, очевидно, претили сухіе схоластическіе уроки закона Божія, та зубрячка, которая вытравляетъ изъ религіознаго ученія то, чѣмъ оно должно быть особенно дѣйствительно, особенно вліятельно на юныя сердца учащихся—именно живую, прочувствованную и продуманную рѣчь духовнаго отца и наставника. Несомнѣнно, что директора смущала и постановка отмѣтокъ, плохо вяжущаяся съ дѣломъ нравственно-религіознаго воздѣйствія законоучителя.

И онъ горячо выступилъ со своимъ проектомъ. Члены педагогическаго совѣта были за него.

Иначе долженъ былъ отнестись къ дѣлу о. Алексѣй, и здѣсь для него выдвинулись на первый планъ три вопроса: 1) онъ самъ давалъ уроки, спрашивалъ ихъ; но преподавалъ свое ученіе именно въ формѣ бесѣды, какъ я сказалъ это ранѣе, а относительно отмѣтокъ—ставилъ ихъ только для формы и не смущалъ ими учениковъ; 2) онъ не могъ не признавать извѣстной и значительной доли правды въ проектѣ своего директора; 3) онъ однако понимаетъ, что вездѣ и всюду (у насъ и за границей) заботятся о знаніи учащимися истинъ вѣры, священной и церковной исторіи и т. под. и

*) Слово *бесѣда* разумѣется здѣсь не въ смыслѣ собесѣдованія, гдѣ возможенъ *діалогъ* между батюшкой и учениками, а въ смыслѣ устнаго изложенія трактата о томъ или другомъ предметѣ.